

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogo1nikolai.ru/> Приятного чтения!

Альфред. Николай Васильевич Гоголь

ДЕЙСТВИЕ I

Народ толпится на набережной.

Один из народа. Ай, что ты так теснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой из народа. Да посторонитесь ради бога!

Голос третий. Эх, как продирается! Чего тебе? Ну, море, вода, больше ничего. Что, не видел никогда? Думаешь, так прямо и увидишь короля?

Туркил. Ну, теперь, как бог даст, авось будет лучшее время, когда приедет король. Вот не прогонит ли собак-датчан?

– Ты откуда, брат?

Туркил. Из графства Гертинга. Томе Туркил. Сеорл.

– Не знаю.

Туркил. Бежал из Колдингама.

– Знаю. Где монахинь сожгли. Ах, страх там какой! Такого нехристианства и от жидов, что распяли Христа, не было.

Женщина из толпы. А что же там было?

– А вот что. Когда узнали монахини, что уже подступает Ингвар с датчанами, которые, тетка, такой народ, что не спустят ни одной женщине, будь хоть немного смазлива... дело женское... ну, понимаешь... Так игуменья – вот святая, так точно святая! – уговорила всех монахинь и сама первая изрезала себе всё лицо. Да, изуродовала совсем себя. И как увидели эти звери – нет хороших лиц, так его не оставили и пережгли огнем всех монахинь.

Голос. Боже ты мой!

Голос в толпе. Эх, англо-саксы...

Другой. Сильный народ проклятый.

– Конечно, нечистая сила.

– Что, как в вашем графстве?

– Что в нашем графстве? Вот я другой месяц обедни не слушал.

– Как?

– Все церкви пусты. Епископа со свечой не сыщешь.

– От датчан дурно, а от наших еще хуже. Всякий тан подличает с датчанином, чтоб больше земли притянуть к себе. А если какой-нибудь сеорл, чтоб убежать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся в покровительство тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чем чужому, – еще хуже: так закабалят его, что и бретон такого рабства не знал.

– Ну, наконец, мы приободримся немного. Теперь у нас, говорят, будет такой король, как и не бывало – мудрый, как в Писании Давид.

– Отчего ж он не здесь, а за морем?

Другой. А где это за морем?

– В городе в Риме.

– Зачем же там он?

– Там он обучался потому, что умный город, и выучился, говорят, всему-всему, что ни есть на свете.

Другой голос. Какой город, ты сказал?

– Рим.

Другой голос. Не знаю.

– Рима не знаешь? Ну, умен ты!

Другой. Да что это Рим? Там, где святейший живет?

– Ну, да, конечно. Пресвятая дева! Если бы мне довелось побывать когда-нибудь в Риме! Говорят, город больше всей Англии и дома из чистого золота.

Другой голос. Мне не так Рим, как бы хотелось увидеть папу. Ведь посуды ты: [выше] уж нет никого на свете, как папа, – и епископ и сам король ниже папы. Такой святой, что какие ни есть грехи, то может отпустить.

– Вот слышишь ли кто-то говорит, что видел папу.

Голос народа на другой стороне. Ты видел папу?

Брифрик из толпы. Видел.

– Где ж ты его видел?

Брифрик. В самом Риме.

Голоса. Ну, как же? – Что он? – Какой?

Народ сталкивается в ту сторону.

Голоса. Да пустите! – Ну, чего вы лезете? – Не слышали рассказов глупых?

Брифрик. Я расскажу по порядку, как я его видел... Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мне всего только половину hydes земли. Тогда я сказал себе: «Зачем тебе, Брифрик, сын Квикельма, обрабатывать землю, когда ты можешь оружием добиться чести?» Сказавши это себе, я поехал кораблем к французскому королю. А французский король набирал себе дружину из людей самых сильных, чтобы охраняли его в случае сражения или когда выедет куда, то и они бы выезжали, чтобы, если посмотреть ?, так хороший вид был. Когда я попросился, меня приняли. Славный народ! Латы лучше не в сто мер наших. Кольчуги такие ж, как и у нас, только не все железные. В одном месте, смотришь, – ряд колец медных, а в другом есть и серебряные. Меч при каждом, стрел нет, только копья. Топор больше, чем в полпуда – о, куды больше! а железо такое острое? – то, что у старого Вульфinga на бердыше, ни к чорту не годится!

Вульфing из толпы. Знай себя!

Брифрик. Вот мы отправились с французским королем в Рим, чтоб папе почтение отдать. Город такой, что никак нельзя рассказать. А дома и храмы божи не так, как у нас строятся, что крыши востры, как копье, а вот круглые – совсем как бы натянутый лук, и шпицев совсем нет. А столпы везде, и так много и резьбы и золота, великолепие такое!.. – так и ослепило глаза. Да, теперь насчет папы скажу. В один вечер пришел товарищ мой, немец Арнуль. Славный воин! Перстней у него и золотых крестов, добытых на войне, куча, и на гитаре так славно играет... «Хочешь», говорит, «видеть папу?» – «Ну, хочу». – «Так смотри же, завтра я приду к тебе пораньше. Будет сам папа служить». Пошли мы с Арнулем. Народу на улице – боже ты мой! – больше, чем здесь. Римлянки и римляне в таких нарядах!.. – так и ослепило глаза. Мы протолкались на лучшее место, но и то, если бы я немножко был ниже, то ничего бы не увидел за народом. Прежде всех пошли мальчишки лет десяти со свечами, в вышитых золотом [платях], и как вышли они – так и ослепило глаза. А ход-то, весь ход! Ход был выслан красным сукном. Красным-красным, вот как кровь... Ей богу, такое красное сукно, какого я и не видал. Если бы из этого сукна да мне верхнюю мантию, то вот, говорю вам перед всеми, то не только бы свой новый шлем, что с камнем и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить к этому ту сбрую, которую променял? Кенфус рыжий за гнедого коня, да бердыш и рукавицы старого Вульфinga и еще коня в придачу – ей богу, не жаль бы за эту мантию! Красная-красная, как огонь!..

Голос в народе. Чорт знает что! Ты рассказывай об папе, а какая нужда до твоих

мантий!

Вульфинг из толпы. Хвастун! Расхвастался!

Брифрик. Сейчас. Вот вслед за ребятами пошли те... как их? Они с одной стороны сдают на епископов, только не епископы, а так, как наши таны или бароны в рясах... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти все таны или епископы, как вышли – так и ослепили глаза. А как показался сам папа, то такой блеск пошел – так и ослепил глаза. На епископах-то, всё серебряное, а на папе золотое. Где епископы выступают – там серебряный пол, а где папа – там золотой. Где епископы стоят – там серебряный пол, а где папа – там золотой...

Голос из толпы. Бровинг! Корабль! Ей богу, корабль!

Все бросаются, Брифрик первый, и теснятся гуще около набережной.

Голоса в толпе. Да ну, стой, ради бога! – Задавили – да дайте хоть назад выбраться!

Голос женщины. Ай, ай! Косолапый медведь! Руку выломил! Ой, пропусти! Кто во Христа верует, пропустите!

Брифрик (оборачиваясь). Чего лезешь на плечи? Разве я тебе лошадь верховая? Где ж король? Где ж корабль? Экая теснота!

Голос в народе. Да нет корабля никакого!

– Кто выдумал, что король едет?

– Да кто же? Ты говорил!

– И не думал.

– Да кто ж сказал, что король?

– Джон Шпинг сказал, что король едет.

– Эй, Шпинг, зачем ты сказал, что король едет?

Шпинг. Ей богу, любезный народ, совсем было похоже на корабль.

– Вперед молчи, дурак, если не хочешь сам поплыть.

Старуха (пролезая вперед). Нашли чего толкаться! И куда? Ведь никого нет.

Брифрик. А, Кудред! Откудова, приятель?

Кудред. Из дому.

Брифрик. Короля видеть пришел?

Кудред. И побольше, чем видеть.

Брифрик. А что еще?

Кудред. Жалобу прямо самому королю.

Брифрик. На кого?

Кудред. На королевского тана Этельбальда.

Брифрик. Ты шутишь, братец?

Кудред. Нет, не шучу.

Голоса в народе. Вишь, на Этельбальда жалуются! – Он сошел с ума! – да он ведь сильнее всех в королевстве! – Войска и богатства у него больше, чем у короля.

Эгберт. Кто несет жалобу на Этельбальда, тот подай мне руку. Хоть ты и простой сеорл, а я тан, но я пожимаю, потому что ты честный человек и англосакс. Я тебе буду помогать. [По-видимому, сюда относится приписка на соседней странице (возможно, реплика Киссы):

А я расскажу королю, что ты жид, а не христианин, язычник скверный, [что у тебя] что ты никогда не крестишься. – Я знаю, кому ты молишься у тебя на дому есть деревянный болван. Ты ему целуешь руки, язычник скверный... Тебе нужно монастырское покаяние, если не мог...]

Брифрик. За что ж жалуешься?

Кудред. За что? Этельбальд, хоть и королевских танов всех старше, но подлец и мошенник. Когда датчане ворвались в Вессекс и начали грабить, я прибегнул к нему, свинье. Думал, он богач и столько имеет земли, что зачем ему бы обижать меня. Я обещался ему, если надобность, первым явиться в его войске и лошадь привести свою и всё вооружение мое. А он, мошенник, как только датчане ушли, совсем зачислил меня в свои рабы. За что я должен ему мостить чертовский мост к его замку и на моих двух лошадях, самых благородных, возить фашинник? А теперь, когда я отлучился по надобности в графство Гексгам, он взял мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше 2 гидес, и отдал в лен какому-то, а мне отдал двенадцать шагов песчанику за кладбищем. – «Вот тебе», говорит, «земля». Да разве я, старый плут, раб твой? Я вольный. Я сеорл. Я, если бы только захотел, прикупил еще два hudes земли, да выстроил церковь и дом, я бы сам был таном. Никто по законам англосакским не может обидеть и закабалить вольного человека. Разве я сделал какое преступление?

Брифрик. Да ходил ли ты с жалобой в ваш ширгемот?

Кудред. Подлецы все! Держут его сторону.

Брифрик. Ну да всё-таки, как же порешили?

Кудред. Вот на тебе бумагу, если ты прочтешь.

Брифрик. Что ты! Э, так у вас судьи пишут? Слышь ты, народ, писанная бумага! У нас во всем ширстве, да и во всем Вессексе ни один шир, ни алдерман не умеют писать. Вишь ты какие каракульки. Тут где-нибудь должно быть А В С... Я уж знаю, меня было начинал учить один церковник.

Туркил (Вульфингу). Я думаю, нет мудренее науки, как письмо.

Вульфинг?. Попы всё-таки прочтут.

Брифрик (обращаясь к Киссе). Высокородный тан, прочти-ка. Ты, верно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! Я тебе не поп.

Гунтинг. Давай, я прочту.

Туркил. Кто он?

Вульфинг. Не знаю.

Голос. Это, видишь, тот, что был школьным учителем. Да теперь датчане разорили школу.

Гунтинг (читает). «Да будет ведомо: в Schirgemot Агельмостане, в графстве Геррефорт, во время царствования Этельреда, где...»

– А, при покойном короле! Храбрый был король, всю жизнь бился с этими мерзкими? датчанами.

Гунтинг (продолжает). «...где заседали: Дунстан епископ, Кеолрик алдерман, Варвик – его сын, и Эсквин – сын Пентвина и Туркил косоглазый, как комиссары короля заседали...»

Вульфинг. Слышишь, Туркил? Это ты?

Туркил. Разве я косоглазый?

Гунтинг (продолжает): «...в присутствии Брининга шерифа, Ательварда де Фрома, Леофина де Фрома черного, Годрига де Штока и всех танов графства Геррефорта, Кудред – сын Эгвинов – представил суду против высокородного графа и королевского тана в том, что якобы он, Кудред, от него, высокородного графа Этельбальда...»

(В народе крик и давка). Пусти, пусти! – Куда теперь сторониться! – Батюшки, батюшки, тресну! Со всех сторон придавили!

Высокий (болтает вверху руками). Чего эти бабы лезут, желал бы я знать ?.

Брифрик. Чего народ лезет? (Продирается).

– Да взбеленился просто, никого нет. Какой-то дурак опять пронес, что корабль показался.

Кудред (кричит). Бумагу, бумагу, бумагу дай! Экой трус, изорвал...

Кисса. Да кто сказал, что король едет?

Голоса. Я не говорил. – Я не говорил. – Опять верно Шпинг.

Шпинг. Нет, высокородный тан, и языком не воротил.

Брифрик. Ей богу, глупый народ! Ну что, хоть бы и в самом деле был корабль.

Вульфинг. А сам, небось, первый полез.

Брифрик. Что ж! Только посмотреть.

Один из народа. Вот таны поехали на лошадях. Это верно встречать короля.

Рыцарь на лошади. Дорогу, дорогу! Народ, посторонись!

Эгберт. Кому дорогу?

Рыцарь на лошади. Посторонись, говорят тебе! Дорогу высокородному королевскому тану Этельбальду.

Эгберт. Отнеси ему эту пощечину. (Бьет его и убегает).

Рыцарь (кричит). Мы увидимся, проклятый длиннорукий чорт!

Вульфинг. Вон поехал граф Эдвиг. Видел?

Туркил. Видел. Славное вооружение.

Вульфинг. Вон Этельбальд. Гляди, какой около него строй стоит – в толпе рыцарей, как в лесу. Эх, как одеты славно! Какие кирасы, щиты! Ей богу, если б хотели, побии датчан.

Туркил. Отчего ж не хотят?

Вульфинг. А так. Сами держат руку неприятелей.

Туркил. Ну, вот!

Вульфинг. Почему ж не побить? Ведь наших впятеро будет больше, если собрать всех саксонов, а англов–то одних всадников будет на всю дорогу от Лондона до Йорка! А датчан всех-на-всех трех тысяч не будет.

Туркил. Э, любезный приятель мой! Как твое имя? Вульфинг?

Вульфинг. Вульфинг.

Туркил. Так будем приятелями, Вульфинг

Вульфинг. Вот тебе рука моя.

Туркил. Не говори этого, любезный Вульфинг. Им помогает нечистая сила, тот самый сатана, о котором читал нам в церкви священник, что искушает людей. Они, брат, и море заговаривают. Вдруг из бурного делается тихо, как ребенок, а захотят – начнет выть, как волк. Наши всадники давно бы совладали с ними...

Вульфинг. Народ опять затеснился. Да и сами таны махают шапками. Посмотрим, верно, король наконец едет.

Голос в народе. Ну, теперь корабль, так корабль!

Туркил. Опять пошла теснота!

Голоса. Корабль с тремя ветрилами. – Зачем дерешься? – Не лезь вперед!

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru

– Вон и люди, как мухи, стоят на палубе.

– А что ж не видно короля?

– Где ж теперь его увидишь? Людей многое-множество.

– Вон что-то блеснуло перед солнцем!

– Скоро идет корабль. Видно, что заморской работы! Вон как окошечки блестят. У нас таких кораблей нет.

– Это должен быть, что блестит, тан.

– Нет, вот тот больше блестит. Смотри – какой шлем, какое богатое убранство!

Вульфинг?. Это всё те таны, что поехали за ним в Рим с посольством.

Туркил?. Где ж король? Ведь король в короне.

Вульфинг. Да еще не короновался.

Туркил?. А, вон снял шляпу... Таны машут... Виват король!..

Весь берег (кричит). Виват, король!.. Здравствуй, король!..

– Вон снова машут... Здравствуй, король!..

Народ. Здравствуй, король!

Всадник на лошади. Расступись, народ! (Машет алебардой. Народ пятится, прижатые кричат).

Туркил. Что он так кричит? Кто это?

Всадник. Тан из Кенульф, сын Эгальдов. Тан из Медлисекса, славный воин.

Корабль подходит к самому берегу. За столпившимся народом видны только головы.

Альфред (сходя с корабля). Здравствуйте, добрые мои подданные.

Народ. Здравствуй, король! Виват!

(Король и свита поднимаются на лошадях на народ).

Народ. Виват! Виват, король!

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru

Альфред. Благодарю, благодарю вас, мои добрые. Я сам не менее рад видеть вас и мою отцовскую землю Англосаксию.

Эгберт. Слышишь? Англосаксию! Он, верно, не знает, что Мерси и Эст-Англ уже не наши.

Король уезжает. Таны и народ с восклицаниями тянутся за ним.

Туркил?. Молодец король – видный, рослый, лучше всех. Как он славно выступал, словно сокол? Я думаю, латы его стоят больше, чем твоя жизнь. Пойдем, посмотрим.

Вульфинг? Постой! Зачем же итти? Глянь, за ними не угнаться: они на лошадях и во всю рысь поедут в Йорк.

Туркил? Отчего ж не в Лондон?

Вульфинг? Видишь, в Лондоне приготовят всё как следует, а когда приготовят, тогда и он поедет.

Эгберт (возвращаясь). Нет, я не хочу быть последним. Я такой же тан. У меня тоже было в услужении 16 танов ситкундменов. Правда, я потерял много в войну. У меня теперь нет этого. Но я защищал землю нашу. Отчего граф Эдвиг, Кенульф, не говоря уж о собаке Этельбальде, молокосос сын его, рыжебородый Киль, – почему они имеют право провожать короля в первом ряду? Отчего я должен следовать еще за двумя танами? Я хотел было сбить с седла копьём плута Килья, да не хотел только сделать этого при короле.

Кисса. Дьявол ему на шею! Я рад, по крайней мере, что король приехал. Датчан опять за море, завоюем опять Эст-Англию, Мерси и Нортумберланд также; хоть и разоренная страна, однакоже, есть добрые земли для скота и для пашен.

Эгберт. Мне король понравился – добрый молодец. Пойду к нему прямо и суну ему руку по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вот тебе рука! При первой надобности всегда привожу 14 тебе всадников, вооруженных, с добрыми конями, и сам пятнадцатый. А надежный ли человек? Вон, гляди?, сколько рубцов у меня». Пойдем, Кисса, выпьем его здоровье. Эй, Кудред! Тебя обидел Этельбальд? Будь завтра в Лондоне, спроси тана Эгберта, тана из графства Сомерсетского. Меня знают.

Кудред. Ну, теперь, я думаю, король укротит немного танов.

Вульфинг?. Да что ж король? Ведь король не может сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебе приказываю». Что скажет витенагемот?

Кудред? Да беспорядков верно будет меньше. Что ни скажет, а всё будет лучше. По крайней мере, можно будет по дороге пройти безопасно. Чем живешь, Вульфинг?

Вульфинг. Один hudes земли держу от тана.

Кудред?. [Платишь хлебом?]

Вульфинг. Нет, еще никогда не марал рук своих в земле.

Кудред? Кто ж ты?

Вульфинг. Пастух. Шесть десятков овец и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если ты хочешь, пришлец, отдохни у меня. Ты будешь есть сыр и молоко, каких не сыщешь во всем Вессексе. А завтра ранним утром мы отправимся в Лондон смотреть королевский праздник. Гляди, чего народ опять смотрит? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голос в народе. Корабль, опять корабль!

Кудред?. В самом деле корабль! Что ж это? Верно, – тоже королевская свита?

Туркил. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсем не так сделаны. Постой, рассмотреть поближе – и народ как будто не так одет.

Один из толпы (всплескивая руками). Саксонцы? Убежим, убежим!..

Кудред. Что такое?

Одна из толпы. Морской король!

Кудред? Нет, что ты!

Туркил?. Как христианин, не лгу! Разве вы не видите, что датский корабль!

Голоса? Ай, народ, точно – датчане! – Вон машут, чтобы остались. – Да, как бы не так! – Бежим, друзья!

Все в беспорядке убегают.

Корабль виден у берега. Руальд висит на мачте.

Голос Губбо. Перекидай канат.

Руальд (сверху). Кормщик, бери ниже: там мель.

(Норманд плывет с канатом в зубах).

Руальд. Еще ниже. Еще ниже. А, народ проклятый? Весь разбежался! Теперь прямо. Норманд, хватай крюком!.. Стой!

Губбо выходит с корабля. Ну вот мы и в Англии. Тащите старшую лодку на берег.

(Вытаскивают лодку).

Губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли нам Ингвара или теперь налететь и окропить наши доспехи алою, как перед бурей вечерняя заря, кровью

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
саксонцев, а?

Воины?. Наши копья готовы.

Руальд. Не лучше ли, король мой Губбо, послать проведать узнать о числе неприятеля?

Губбо. Это ты, Руальд, говоришь? Тебя, верно, не море пеленало. За эти слова тебя стоит вышвырнуть в море. «Какой храбрый когда спрашивает о числе?» – говорил отец мой Лодброд, победивший на 33 сражениях.

Руальд. Губбо, сын Лодбродов! Ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вместе с братом Гримуальдом срамили себя перед дружиною? Разве я когда-нибудь в жизни грелся у очага или спал под крышей? Разве платье мое на мачте сушилось, а не на мне?

Губбо. Прости, Руальд. Брат твой Гримуальд был славный воин. Мы лишились, други, храброго товарища. Великий Оден! Какая была буря и битва! Ветер оборвал во тьме наши платья и морские брызги пронзали разгоревшиеся лица наши. Клянусь моим мечом и копьем, ничего бы не пожалел за такую участь: завидная участь! Теперь Гримуальд пирует с легионом храбрых. Сам Оден наливает ему чашу из широкого черепа и говорит ему: «А сколько ты, Гримуальд, получил ран на последней битве?» «Ран 17 и 4», отвечает ему Гримуальд. «Сильный воин! Вот тебе, Гримуальд, бессмертные лани с лоснящейся как серебро шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая их далеко достающим копьем». Слушай, Стемид, теперь не время, но когда будем пировать на покрытых пылью саксонских трупах и зажжем альбионские дубы, ты спой нам песню о подвиге Гримуальда. Знаешь, какую песню? Такую, чтобы в груди всё встрепенулось: отвага, самое бешеное веселье, и руки схватились за рукояти мечей... Но следует теперь сказать вам, мои товарищи, что мы будем делать. Англия земля хорошая: скота, пажитей и земель в ней много. В Нортумберландии и в Мерси, где уже поселились соотечественники наши, жители бедны, но здесь жилища, а более всего церкви, очень богаты, и золота в них много. Каждому достанется на золотую цепь. Мечи у англосаксов славные. Они достают их издалека. Мы можем тут себе выбрать любые мечи и копья и всё вооружение. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мне и вам: у англосаксов девы белизною лица, как наши скандинавские снега, окрапленные алой кровью молодых ланей. Но стойте, товарищи! В Англии воинов, которые станут под мечом и копьем на конях, несметное множество. Только из них Оден никого не примет в Валгал к себе, потому что они презренные христиане. Помните и то, что ныне будут наши соотечественники, и как только нападём с одной стороны, они нападут с другой... Видите ли, как тут хорошо и тепло. В нашей Скандинавии нет этого. Тут зимы всего только два месяца.

Руальд. Я себе отвоюю лучший замок во всей Англии. Девять десятков англосакских рабов будет прислуживать мне за чашею пиршества.

– Что, конунг Губбо, правда ли что есть где-то земли еще теплее?

Губбо. Есть.

– И что зимы совсем не бывает?

Губбо. Ну, этого нет – чтобы зимы совсем не было. Зима есть. Нужно, однако, попробовать. Мы с тобою, Элгад ?, пустимся потом далее. Скучно долго жить на одном месте. Чтобы и там, по ту сторону океана, вспоминали нас в песнях. Клянусь всей моей сбруей, приедешь оттуда на вызолоченном корабле. Красная, как огонь, мантия, и весь будет убран дорогими камнями шлем. Крыло на нем будет, как вечерняя звезда, сиять. И как приеду к первой царевне в мире, скажу: «Прекрасная царевна, я, король, пришел, горя любовью к твоим голубым очам. Его рука поразила

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
сто и сто десятков витязей, и пришел король Губбо взять тебя этою самой рукой
вместе с приданым, которое приготовил тебе престарелый отец твой».

Воины. Виват, король Губбо!

Губбо. Виват и вы, товарищи! Теперь идем. Вы два, Авлуг и Ролло, оставайтесь
беречь лодки. А мы – никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть...

--

Альфред, окруженный танами и графами королевства.

Благодарю, благодарю вас, благородные таны, за ваше поздравление. Я надеюсь, что
вы окажете с своей стороны мне всякую помощь разогнать варварство и невежество,
в котором тяготеет англосакская нация.

Граф Эдвиг. Я всегда готов. 50 вооруженных всадников всякую минуту может
требовать государь.

Граф Этельбальд. Рука моя и моих 80 вассалов принадлежат тебе, государь мой.

Сифред. Всякое законное требование государя готов выполнить. 20 конных и 140
пеших стрелков.

Клеобальд. В моей стране лошадей мало, но пеших сколько могу собрать...

Альфред. Вы ошибаетесь, друзья. Не этой помощи я требовал от вас, на которую,
конечно, имею всегда право. Но я разумел о том благодетельном просвещении,
которого нет в Англии. Я вас просил споспешествовать мне научить англосаксов
искоренить грубость нравов, которая, как старая кора, пристала к ним.

Таны в безмолвии. Некоторые расставляют руки, рассуждая, что́ это значит.

Эдвиг. Как же, государь, ты говоришь, что англы и саксы грубы? Да ведь они
покорили Англию!

Альфред. Ну, против этого мне ничего не остается говорить. Этот, кажется, кроме
войны и думать ни о чем не хочет. Видел ли ты, Эдвиг, своего сына?

Эдвиг. Видел, государь.

Альфред. Что ж, как нашел его?

Эдвиг. Хорош малый, да чуть ли к чернокнижию непристрасчен и копьём плохо
владеет.

Альфред. Нет, Эдвиг, ты должен благодарить бога за такого сына. Этот день побудь
с ним, а завтра пришли ко мне. Мы с ним были друзья во всю бытность в Риме.
Давно не видел я Англию. Препрежнее время свое, как свой сон, помню. Ведь тут
должны уцелеть еще остатки римских памятников. Существует ли та стена, которую
выстроил император Константин в Лондоне, и бани близ Йорка, выстроенные
римлянами?

Эдвиг?. Не знаю, государь, о каких ты римлянах говоришь.

Альфред. Римляне – народ, который завоевал Англию и которому были подвластны бритты.

Эдвиг?. Бритты были, это правда, а римлян, государь, никаких не было.

Альфред. Ты не знаешь, потому что не читал. Римляне были народ великий. Они покорили весь мир и в том числе Британь.

Эдвиг?. Воля твоя, король, римляне и живут в Риме. Нет, король, это тебе солгали. У нас есть старики, которые помнят, как покорили саксы народ, которого храбрее еще никого не было. И те говорят, что были одни только бритты.

Альфред. Ну, об этом тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчет об нынешнем положении государства и о всех происшествиях, бывших без меня по кончине брата моего Этельреда. Об отдыхе моем не беспокойтесь. Отдохнуть я успею. Ты, Этельбальд, так как старший в государстве и первый советник в витенагемоте, расскажи мне подробно все.

Этельбальд. Всё хорошо, государь. Со стороны датчан только худо. Впрочем, дорога от Йорка до Лондона поправлена и была мощена всё время. Зверинец твой в исправности. Все королевские твои латы, щиты отцовские и добытые покойным братом твоим Этельредом я сохранил в исправности.

– Врет, старый медведь! Лучшее копьё стянул себе.

Альфред. Ты, Этельбальд, говоришь о моем хозяйстве. Это дело пустое. Я просил тебя рассказать – как государство, в каком положении.

Граф Эдвиг. В гадком положении государство. Сеорлы и бретонские рабы ничего ? не выплачивают. Поля очень опустошены датчанами. Не на что вооружить рыцаря. Лошади мерзость.

Альфред. Зачем вы позволили датчанам взять Мерси и Эст-Англию?

– Что ж делать, король. Покойный король, брат твой, храбро сражался, да сильнее перетянула сила... Они знаются с дьяволом, с ними из моря находят морские чудища.

Альфред. Брат мой Этельред сражался, как должно храброму доблестному саксонцу, но вы были виною, непокорность вассалов была причиною.

Сифред. Если б я имел землю в Эст-Англии или Мерси, я бы защитил ее моею рукою и руками моих вассалов, но у меня свои земли есть.

Альфред. Да умели ли вы свои защитить? Отчего по всей дороге, по которой мы ехали, пустые пажити и две развалившиеся церкви? Малолюдный гирд? датчан издевался над вами, а вы, хорошо вооруженные христиане, могли вынести это?

– Bravo, о король! – Вот король! – Прозорлив, как горный орел!

Сифред?. Я никогда не был бесчестным и всегда готов, и если бы граф Мидльсекс? не поссорился со мною?, я бы не впустил датчан, и Вессекс и его бы владения спас.

Альфред. И виною вы же, вы, через свои мелкие ссоры. Мне очень не нравится это ваше феодальное обыкновение. Бог знает что такое? Всякий управляет, как ему хочется. Вышнему не повинуются, между собою не согласны. В государстве должно быть так, как в Римской империи: государь должен повелевать всем по своему усмотрению, как ему захочется.

Одон (потупляет глаза). Гм! Я что-то не вполне понял это. Ведь англосакский всякий тан, вольный и свободный человек, разве возьмет землю, собственность короля...

Альфред. Отчего я не вижу здесь ни одного епископа? Один только дряхлый старик и вышел меня встретить.

– Епископ Вессекский убит во время войны с датчанами, а Адельстан из Кента умер.

Альфред. И никто не позаботился о том, чтобы избрать на место!

Арвальд. Нет, король, в том нет нам укоризны. Все таны нарочно собрались, но некого было избрать в епископы. Не нашли такого, который мог бы читать святое письмо.

Альфред. Будто уже в Англии нет ни одного священника, умеющего читать? Ведь еще отцом Этельвальдом заведена была коллегия.

– Коллегии давно уж нет.

Альфред. Где же она?

– Сожжена датчанами.

Альфред. Опять датчане! Да что это за бич такой, датчане? Или Англия состоит вся из трусов или в самом деле датчане... Что это за человек? Что ты?

Вестник. Король!

Альфред. Что?

Вестник. Датчане ворвались и грабят Лондон.

Король (в изумлении). Как легки на помине!.. Ну, господа таны и графы! Нам приходится сию минуту думать о вооружении. Нечего делать, нужно всё отложить в сторону.

– Я готов.

– Все вассалы уже при мне, государь.

– Мое войско всегда со мною.

Этельвальд. Для тебя, государь, всё рад принести.

Арвальд. В одну минуту буду снаряжен. (Уходит).

Альфред. Да, шумно начинается мое царствование. Дайте и вы все, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанам.

Таны. Спасителем Иисусом и девой Марией клянемся!

Альфред. Идем и сейчас на коней! Но прежде я хочу осмотреть войска ваши. Ну, король, яви теперь деятельность души. Вот тебе то поле, которое ты рвался возделывать. Много работы предстоит. Страшные перспективы: внести туда пламенник наук и познаний, где их в помине нет, где нет букваря во всем государстве... Подвести под законы и укротить своевольное неустройство этих беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем?, а вдобавок и на плечах неприятель... Дай, боже, силы!.. (Уходит).

Цеолин. Как мне нравится король!

Эдрик. Ты не знаешь его еще, Цеолин, хорошо. Это бог.

Эдвиг. Что, Кедовалла, у тебя все вооружены?

Кедовалла. Все.

Эдвиг?. Что король? Ведь, кажется, молодец?

Кедовалла. Да, кажется, храбрый. Да что-то так...

Эдвиг. Что?

Кедовалла. Мудреный что-то.

ДЕЙСТВИЕ II

Альфред, граф Этельвальд, граф Эдвиг, Цеолин, Кедовалла с толпою воинов входят на сцену.

Альфред. Мне еще не верится, чтобы мы были побеждены. Горсть, разбойничья шайка, не более, и перед этой шайкой не могло устоять пятнадцать [тысяч] всадников и цвет саксонской нации и 90 тысяч пеших! Что скажете вы на это, столпы этой нации, благородные таны?

Граф Эдвиг. Король, распусти нас. Я соберу всех слуг своего замка, сам выгоню моих вассалов. Пусть каждый сделает то же.

Альфред. Граф, ты сед волосом, а даешь такой совет. Нет, благородные таны, всё теперь зависит от нас самих и от нашей решимости. Уступим – мы потеряем всё,

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
возрастим гордость неприятельскую. Клянусь, мы им дадим и уверенность в их непобедимости, и тогда кто против них? Вы видели, как они неслись в битве. Один шаг назад – и дерзость их возрастет, как Голиаф. Бароны, одно нам средство! Здесь нечего думать. С этими же самыми силами обратить отступление в нападение, покамест не узнала о нашем поражении нация.

Кедовалла. Король, ты видел сам, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думал о своей жизни. Но клянусь пресвятой матерью, за них стоит демон! Я видел сам, как его темный образ мчался рядом с этим непобедимым Губбо. Мои вассалы в первый раз побледили от страха. Мои латы, которые окропил епископ два года назад, в первый раз пробиты ?.

Альфред. Какое черное невежество веет от Кедоваллы! Тебя, я знаю, не уверишь, потому что твоя душа в старой коре. Но, таны, как видно, что недавно приняли христианскую веру и не смыслите ничего в ней! Вы испугались злого духа! Разве злой дух может устоять против бога? Разве есть что на свете больше христианского бога? Вы видели, с каким криком и острым копьём стремились в наши ряды эти морские люди. А отчего? Потому что призывали поминутно языческого бога их Одена, который – пыль и прах перед богом христианским. А вы не надеетесь! Какие вы христиане! За вас Христос и пречистая дева...

Таны?. Король, идем! Ни двух шагов земли датчанам!

Часть народа и всадников. Король, датчане...

Альфред. Стой!

Всадник. ...гонятся!

Альфред. Все таны ни с места! Далеко датчане?

Всадник. По пятам нашим...

Альфред. Во имя святой Марии! не подавайся?, как кельданские скалы.

Врывается на сцену дружина датчан. Саксонцы встречают копьями. Начинается сеча.

Губбо. Сыны Одена! не полон будет пир наш, если не сокрушим англосаксов.

Альфред. Англосаксы! не забывайте – с нами Христос и Мария.

Губбо. Ринальд, Ринальд! тихо гремит твой меч. Мало искр вышибает твое копьё из неприятельских лат.

Ринальд. Нет, король Губбо, кровь от вражеских трупов отуманила твой взгляд.

Альфред. Христиане, крепитесь! Святой Георгий на белом коне за нас!

Губбо. Оден! рука моя дымится кровью, а Ингвара нет со мною. Ринальд, Ринальд! Зачем избит шлем твой? Не дрожат ли твои перси?

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogo1nikolai.ru
Ринальд. Еще станет, король мой Губбо! Вот тебе, собака!.. Сыны Одена доставят черепов на пиршественные чаши.

Альфред. За Марию, за Христа, англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, язык сохнет, а Ингвар мой не летит на помощь!

Ринальд (падая). Оден! Готовь мне место в Валгале!

– Вот тебе, собака датчанин! (Протыкает ему голову копьем).

Альфред. Англосаксы! победа за нами!

Губбо. Отдыха не будет тебе, Альфред, до коих пор меч играет в руках моих.

Альфред. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твое оружие.

Губбо. Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами?

Альфред. Мне не нужно, Губбо, твоей свободы, я не отнимаю ее. На два слова.

Губбо тотчас останавливается. Обе стороны опускают копья.

Альфред. Я готов заключить с тобою мир и пощадить 1 нрзб.остаток твоих товарищей с тем, чтобы ты теперь же немедля отправлялся за море, принес клятву, по обычаю своей религии, никогда не являться у берегов Англии. Оружие всё при вас остается. Всё, что ни имеете на себе, не будет тронуто.

Губбо. Король Альфред, я соглашаюсь.

Альфред. Итак, храбрый, произнеси клятву.

Губбо. Клянусь моим Оденем, моею сбруюю, моим вызубренным мечом, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будем нападать на твои владения, а когда не выполню моей клятвы, да будем желты, как медь на латах наших! Да обратятся наши копья на нас же самих!

Альфред. Слышите вы все клятву? Губбо, ты свободен. Ступай! Твои ладьи ждут у берегов.

Губбо. Пойдем, товарищи. Нам не стыдно глядеть друг на друга. Мы бились храбро. Не сегодня – завтра, не здесь – в другом месте, нанесут наши ладьи гибель неприятелям, носящим золотое убранство..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gogo1nikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Альфред. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!